

Календарь Триа 25 июля 2017 г.

Со дня свадьбы моего брата Родрика прошло пять дней.

Братья отправились в соседние города и деревни, чтобы раскрыть себя, но, начиная с моего отца, лица семьи Локхарт остались в Уэлберне и наслаждались отдыхом и осмотром достопримечательностей. Конечно же, не обошлось без утренних и вечерних тренировок.

Четыре дня назад, 21 июля, барон Манфред Брейсфорд, глава первого рыцарского отряда армии северного губернаторства, и Кеннет Диас, командир взвода, а также трое моих оруженосцев Филипа Ингриса, которого я пытался зарезать в день свадьбы, начали тренировку семьи Локхарт.

Когда я спрашиваю командира рыцарей, он говорит, что это наказание, о котором мне рассказал дядя Расвелл Бордер, но он считает, что оно проходит часто. Думаю, я вполне подготовлен, потому что каждый день, утром и вечером, я изнемогаю, но все равно стою до конца. Особенно Филипп, по степени чуть выше Двадцатого уровня мечника и Шэрон, но все равно выстоял до конца. Это Мэл и Шэрон были возмущены, но теперь я чувствую, что признаю его.

Я заканчиваю свидание с Лидди, которое было обещано в течение четырех дней, предшествовавших вчерашнему. В этот раз все было не так, как в прошлый, и я выкатился в город в праздничном настроении из-за свадьбы моего брата и дочери дяди Бордерлайна Розалинды, которой я весьма обрадовался.

Я чувствовал себя как в оживленном торговом центре в конце года, покупая фирменные ингредиенты и заказывая ячменное вино (пиво) и шампуры в киосках, забыв о недавних неприятных историях здесь.

Кстати, о неприятных историях: последствия переполоха, устроенного Джоном, шафером семьи Сивелл, тоже закончились.

На следующий день после пира братьев маркиз Клемент Сивелл, владелец маркизы Сивелл, посетил комнату семьи Рокхарт. За ним стоял Джонас, лицо которого было ярко-синим из-за похмелья и серьезности происходящего.

Маркиз склонил голову перед своими отцами так же глубоко, как и прошлой ночью.

"То, что мой сын заставил любовницу сэра Локхарта чувствовать себя неловко, результат моей безнравственности. Сэр Захариас, сейчас я хотел бы раз и навсегда извиниться не только перед лордом Беатрис, но и перед семьей Локхартов. Мне очень жаль".

Позади Джонас так же глубоко склоняет голову.

Мой отец торопил самого маркиза склонить голову перед собой.

"Пожалуйста, поднимите голову. Мне, моему сыну и мисс Беатрис все равно..."

Когда маркиз поднимает голову, он выставляет вперед своего сына.

Джонас снова склонил голову и начал извиняться.

"Я очень сожалею о вчерашнем вечере. Я даже не помню, что я сказал... Я действительно

размышлял о лорде Беатрис, заставляя сэра Захариаса чувствовать себя неловко...".

Говорит Джонас, но в высокомерной атмосфере, которую он ощущал вчера, таился звон и был мальчиком, который чувствовал себя таким дорогим, как сказала ему Барбара, главный самурай. Конечно, нельзя отрицать возможность того, что он носит кота, потому что ходят разговоры об устаревании. Но, по крайней мере, сейчас я чувствую, что размышляю от слов и отношения. Думаю, я действительно размышляю, потому что не думаю, что шестнадцатилетний мальчик может достаточно чревовещания, чтобы обмануть нас.

Тяжелое давление быть мужчиной маркиза и открытость от потери глаз отца, а возможно, и депрессия, накопившаяся после выпивки, просто вырвались наружу. Даже если вчера это была моя натура, а сейчас на мне просто кошка, для меня это не имеет значения. Ну, хоть глаза у этого маркиза и черные, они не смогут изобразить, даже если это природа.

Я взглянул на Беатрис, получил от нее сигнал, а затем начал говорить.

"Ни меня, ни Беатрис это больше не волнует. Так что давайте закончим эту историю".

На моих словах он бросает взгляд с облегчением.

Но маркиз не убежден,

"Я был бы вам очень признателен, если бы вы так сказали, но тогда я не смогу поставить на место такого забияку, как семья Сивелл.

В знак наших извинений позвольте мне дарить вам пять бочек в год лучших вин семьи Сивелл. Это будет продолжаться до тех пор, пока я и даже мой сын Джонас будем находиться в Маркизе".

Вина семьи Сивелл известны в Имперских Пределах как изысканные вина и встречаются реже, если не чаще, чем графские, которые считаются труднодоступными в бочках.

Беатрис потеряла удивительно много слов, но мне казалось, что у меня есть запасной вариант.

(Я не знаю, сколько мы производим каждый год, но разве не справедливо, что самый лучший продукт - это пять бочек? В качестве извинения за бессвязную речь.....).

Это условие преемственности представлено, но я чувствую себя мошенником, пока преобладает маркиз середины тридцатых и середины десятых годов. Сам маркиз будет находиться на троне Господа еще около двадцати лет, но не обязательно Джонас унаследует тропу. Более того, они также используют слово устаревание. Вполне возможно, что есть и обратная сторона.

(Интересно, есть ли вообще... Если есть, то это все равно будет "скотч"...)

Поскольку я выглядел подозрительно, маркиз ухмыльнулся,

"Что я могу сказать вместо этого, не сочтете ли вы возможным обменять этот "Скотч" на ликер?".

Как и ожидалось, я предложил сделку на дистиллированный ликер.

Правда, обмен между винами Сивелла, однофамильца, и скотчем, чье имя стали продавать, зависит от количества, но это не так уж странно.

Но в случае со скотчем он может решительно отличаться от других ликеров.

Вот что доступно для политики.

Скотч, полученный законным путем, продайте гномам Империи. Я не могу вам ничего сказать, потому что не знаю цены на вино, но в финансовом отношении это не должно принести большого ущерба. Напротив, если вы думаете, что сможете продать благодаря гномам, вы можете собрать (заплатить) достаточно.

Я думал, что однажды получу такой разговор от высокопоставленного дворянина. Поэтому я уже придумал, как отказать.

"Я бы с радостью отдал его вам, даже если бы это касалось меня..... Я все еще худой.

Кузнецы, ожидающие вас, могут обидеться на маркиза, но вы в этом уверены?

Я ответил на это с самым жалким видом, на какой только был способен.

Маркиз застыл в ухмылке от неожиданных слов.

"Разве несколько бочек в год не будут проблемой? Надеюсь, что да".

Я укоризненно покачал головой.

"Гильдия кузнецов здесь, в Веллберне, говорит мне, что вполне нормально раз в несколько месяцев, но это даже сложно... Если бы вы передали это его превосходительству, нет, возможно, было бы трудно выбраться из этого города в целости и сохранности, даже если такие слухи просто текут... они заявили, что" не пойдут на компромисс в отношении выпивки"..."

Маркиз сразу бледнеет при моих словах. Возможно, он вспомнил историю об изгнании фототеизма из королевства Каум - историю о том, как архиепископ не только был изгнан из столицы короля, но даже не смог занять постоянный двор.

"Ну... Я не могу взять долю кузнецов. Скажем так, о скотче там ничего не было".

Маркиз прервал рассказ. Но я никогда не мог втянуться в историю с вином, когда передо мной стояло пять бочек в год, которые я хотел отдать за извинения.

(Насколько я понимаю, это потому, что Лидди и Беатрис очень понравилось это вино. К тому же, я бы хотел разлить его по бутылкам и пустить в дело...)

Почему-то мне кажется, что история с извинениями Джонаса прошла на ура, но ни мне, ни Беатрис изначально было все равно, и то, что я могу достать вино, Беатрис даже наоборот радуется. Я хочу сказать, что в этом нет ничего плохого.

Мой отец как-то отказался, но в конце концов, если отдать вино с варки этого года, значит, где-то весной следующего года у нас будет вино Сьюэлла, однофамильца.

Способ транспортировки, но вино Сьюэлла, как говорят, экспортируется в королевство Каум, и перевозится из территории маркиза Сьюэлла, расположенной недалеко от Имперской столицы, через Фортис, страну наемников, в Арс, королевскую столицу королевства Каум. Я предложил отправить его в деревню Расмор во время этой транспортировки.

Мне также кажется заманчивым потрудиться вытянуть ноги из Арса, поэтому я предложил обратиться к подрядчику по перевозке скотча, нанятому Гильдией кузнецов.

Этот перевозчик называется "Дистиллированный спиртной напиток по расписанию (Скотч Лайнер)" - прозвище, данное за регулярные поездки в одно и то же место на Алс-авеню и обратно, чтобы "подвести черту" - и теперь этот перевозчик специализируется исключительно на дистиллированных спиртных напитках.

Этот "Скотч Лайнер" имеет преданный и уважаемый эскорт и, как говорят, является самым безопасным торговцем на самых опасных улицах Арса. Вот почему я решил, что он подойдет для перевозки дорогих сивелльских вин. Кстати, таких преданных сопровождающих называют "эскортами дистиллированных спиртных напитков" Scotch Guardians.

Но только часть моего предложения была принята.

Маркиз отказался, сославшись на то, что это был подарок в первую очередь в смысле извинения, и что его не следует оставлять перевозчику. Однако было предложено семье Локхарт выступить посредником в вопросе сопровождения Скотча Рейнера.

Я знаю, что у вас есть желание улучшить отношения с Гильдией кузнецов, но также возможно, что вы добивались этого с самого начала. Я предполагаю, что вы собираетесь рекламировать, что маркиз Сивелл достаточно дружелюбен, чтобы раздавать прекрасное вино с семьей Локхарт, когда вы проезжаете через Арс.

Это ничего не меняет, но, по крайней мере, в имперской столице, где трудно передать точную информацию, вы не увидите, чтобы семья Сивелл установила дружеские отношения с семьей Локхарт и даже повлияла на Гильдию кузнецов. Я не могу ничего сказать о районе, потому что он не в курсе обстоятельств Имперской столицы, но маркиз был на удивление силен (сделал), так что мог бы подумывать о таких масштабах с самого начала.

А сегодня 25 июля.

В этот день состоится публичная казнь Харрисона Ганнелла, виновного в покушении на убийство Пограничного Боба.

Публичная казнь состоится в 2 часа дня.

на площади между штаб-квартирой рыцарей и к западу от замка Уэлберн. Именно здесь проходит церемония цензуры и другие, и многие горожане уже собрались, хотя было только после полудня.

Я стоял позади рыцарей вместе с отцом.

Вы не можете притворяться, что ничего не знаете, прежде чем предложить эту публичную казнь. Держитесь от нас подальше, но помощник барона Десмонд Гейтскел тоже стоял в незаметном месте.

Перед публичной казнью было объявлено, что "палач" Ганнелл спланировал убийство по приказу Святого Короля Люка, и что он же в дальнейшем осуществил убийство человека Пограничного Дяди и изготовление кровавых снадобий Светлого Бога (Люцидуса). В результате среди горожан повысились голоса против Луки.

Также была обнародована информация о причастности Аурафа Оулетта, торговца, связанного с

коммерческой гильдией Аурелии, агента Люка, и среди граждан раздавались голоса, что коммерческая гильдия, возможно, тянет за собой ниточку, но гневное противоречие между гражданами вряд ли было правильным, поскольку Дональд Хатчингс, управляющий директор гильдии по иностранным делам, не только отрицал причастность коммерческой гильдии, но и официально объявил о введении экономических санкций после резкого осуждения Люка.

Экономические санкции, введенные коммерческой гильдией, включали запрет на "прямые" сделки со Священным королевством Луки купцами, принадлежащими к коммерческой гильдии "Аурелия", и "бессрочное" закрытие филиалов коммерческой гильдии, расположенных в Луке. Коммерческие гильдии функционируют как финансовые учреждения, и в каждом филиале можно урегулировать претензии и долги посредством обмена купцов, к которым принадлежит гильдия - без использования наличных денег. Когда филиалы закрываются, они не могут быть урегулированы через этот обмен, что очень сильно влияет на сделки между городами.

Однако, похоже, существует выход из этой экономической санкции

.

Первый - это запрет на прямые сделки с Лукой, но на первый взгляд это можно прочесть как купец "торговой гильдии Аурелии", но на самом деле это купец "города Аурелии", а купец города, отличного от города Аурелии, может это делать. Это также может быть интерпретировано как бессрочное закрытие филиала, которое выглядит как "постоянная" мера, когда речь идет о бессрочности, но просто срок ее действия не истек, и она может быть отменена в любой момент. Другими словами, любые предлагаемые санкции вряд ли станут большой занозой в заднице для коммерческой гильдии.

Он сказал, что сам Хатчингс не способен быть торговцем или политиком, но, похоже, его сопровождают талантливые сотрудники гильдии.

Он сказал, что Пограничный Мальчик проявил немалые трудности в этом вопросе, но я не думаю, что у меня самого есть проблемы с этим.

На этот раз причина, по которой я позволил коммерческой гильдии выступить с заявлением против Люка, заключается в том, что я знаю о знати в стране Империи Каэзм, особенно в столице Империи, Праймсе. Я имею в виду, что нет ничего плохого в том, что экономические санкции на самом деле не работают. Важен тот факт, что коммерческая гильдия осудила Люка на весь мир.

Объясните этот момент Пограничному Дяде, но я все еще не был очень убежден.

А не убедит ли это и жителей Империи?".

Я фыркнул при этих словах,

"Все равно нет проблем. Через несколько месяцев Люк сможет прийти к собственным результатам".

Дядя Бордерлайн наклоняет шею на мои слова, но после нескольких размышлений кажется убежденным. И я улыбаюсь.

"Понятно... значит ли это, что у нас есть большой отдел кадров во дворце Святого Короля? Это может быть штаб-квартира церкви".

Я громко кивнул.

Вот что я, и дядя Бордерлайн, придумали.

Активация экономических санкций коммерческих гильдий всегда вызывает путаницу в Луках. Это не связано с тем, вступает ли она в силу на самом деле или нет.

Политическая система Луки - это двойная система контроля между светской администрацией, Дворцом Святого Короля, и штаб-квартирой деноминации Светлой Божественности, национальной религии. И Святой королевский дворец и церковный штаб постоянно борются за власть.

Активизация экономических санкций торговой гильдии - прекрасная возможность дать отпор церковному штабу, который в прошлый раз притерся к гильдии кузнецов и сыграл ошибочную роль. Мы всегда должны преследовать недостатки Дворца Святого Короля, чтобы вернуть часть упавшего влияния. Другими словами, тот факт, что коммерческая гильдия опубликовала это на весь мир, важен для того, чтобы спровоцировать борьбу за власть внутри Люка и уменьшить силу вражеской нации, и не так важно, чтобы это действительно возымело действие.

И если Дворец Святого Короля потеряет свою власть внутри Луки, это также нанесет ущерб коммерческой гильдии. Ведь для купцов Аурелии, если священники (служители культа) штаб-квартиры церкви будут иметь власть, они потеряют очень много прибыли. Священники воспринимают купцов так: им удобно приносить деньги, и это крайне раздражает купцов, которым приходится давать взятки, чтобы иметь власть в штаб-квартире церкви. Так что коммерческие гильдии должны поддерживать Дворец Святого Короля, а раздоры за власть будут все больше и больше аплодировать.

Возможно, было бы лучше ввести экономические санкции, которые действительно работают, чтобы подавить национальную власть Луки как таковую, но это должно быть трудно принять для коммерческой гильдии, которая хочет, чтобы Святой Король продолжал существовать.

Поскольку Святой Король Люк не позволяет Каэрмской Империи смотреть на Север, а именно позволяет ей выжить, чтобы отстоять независимость Союза Городских Государств, включая Аурелию, то он найдет выход и костыли ляжет, даже если введет экономические санкции.

Тогда лучше с самого начала признать свой выход и продать свою благодарность.

Конечно, нам нужно дать коммерческим гильдиям понять, что Пограничный Боб, губернатор северного региона, знает, что экономические санкции - это глупость. По этой причине Пограничный Боб запугал Хатчингса и сопровождающих его чиновников и заставил коммерческие гильдии пообещать активно инвестировать в северный регион.

Было 2 часа дня.

Харрисон Ганнелл появился на площади, которая могла бы стать тюрьмой. Он был довольно непослушным, шел со скованными руками.

На это была причина.

Он принял участие в фарсе публичной казни, обусловленной жизнью его лорда, Гейтскела. При этом он полностью выбивался из этой череды беспорядков и даже заставил меня почувствовать себя хрустящим.

Но я понимал свою роль. Он сказал: "С сегодняшнего дня достаточно одной еды в день. Давайте не будем бриться, давайте не будем вытирать наши тела", - сказал он дяде Пограничному, который пришел посмотреть, как идут дела. И странному на вид дяде Пограничному,

"Было бы странно, чтобы человек, которого казнят как фанатика, был маленького роста. Я вот думаю, не будет ли более фанатичным быть худым грязным и мерзким?".

Я улыбнулся и сказал ему об этом.

Дядя Бордерлайн сказал: "Человек по имени Ганель был пощажен. Я сожалею, что мне пришлось убить столько людей", - сказал он барону Фердинанду Олдхэму о своем животе.

Когда Ганел появился в тюрьме, собравшийся народ разразился голосом осуждения.

У него не было голоса для упрека, и он бросил на народ острый взгляд из своей извращенной и упавшей орбиты.

Появился пограничный дядя и начальник рыцарей барон Манфред Брейсфорд, и один из рыцарей зачитал вину Гуннеля.

Что он вошел в помощники барона Гейтскеля, изготовил кровавые наркотики Светлого Бога (Люцидуса) и стал марионеткой Гейтскеля. Что он начал с убийства Патрика Расвелла, сына дяди Пограничного, и что он убил многих врагов с помощью яда. И что Четвертый батальон был накормлен кровью Светлого Бога (Люцидуса) и восстал против Пограничного Дяди...

Всякий раз, когда зачитывается грех, народная брань разгорается.

Ганнелл тем временем не изменил своего выражения лица и пристально смотрел на братьев Пограничных.

Когда все графы были зачитаны, дядя Пограничья встал на сцену.

"Было убито много невинных людей, не только мой сын Патрик! Фанатики Люка..."

Вот где эмоции готовы были взорваться, застряв в словах. Среди людей, которые в равной степени подавляли свой гнев, раздалось хныканье.

"Это Ганель. Я спрошу тебя о последнем, что ты хочешь сказать. Тебе помог Гейтскелл. Но я вернул его своей мстью! Дай мне знать, если тебе есть что сказать!

Ганнелл взглянул на пограничного дядю и заговорил медленным тоном.

"Что ты знаешь? Меня использовали как инструмент, предали... и я потерял все, включая семью..."

Родные сказали: "Вот и здесь то же самое!". Гнев нарастает.

"... Меня спас Бог Света (Люцидус). Что вам стоит колебаться, чтобы отплатить ему тем же? Все ради Бога. Так что все прощено..."

бледным тоном сказал Ганнел.

Пограничный дядя поднимает "Мамайори".

"Что вы, фанатики Люка, думаете о жизни людей!... вы признаете себя виновным в обвинениях, которые только что упомянули?"

Ганнелл покачал головой (надел ее) и ответил: "Я не признаю". Пограничный дядя удивленно посмотрел на эти слова, а аудитория сказала "Что ты собираешься сказать!", и он заставил меня выругаться.

Ганнелл делает собственные утверждения бледными, как будто их нет в ушах, например, слова зрителей.

"Это правда, что ты сделал, но ты не можешь грешить. Так что это не "грех". Это моя миссия".

Это слово еще больше подогревает аудиторию.

Ганнелл произвел на меня большее впечатление, чем я думал.

(Конечно, фанатики не признаются в грехе. Потому что это не грех, а долг... но я часто об этом думаю. Я не думал, что он простой военный, но иногда он просто выполнял сложное задание, вроде обратной агитации...)

Пограничный дядя делает сердитое выражение лица и продолжает дальше.

"

Купец Аурелла, где Оулетт! То, что он возглавлял ряд команд, было расследовано".

"Я не знаю. Скажу тебе, что Оулетт меня не использовал. Он просто передавал указания из штаба Ордена (...) мне..."

Я оборвал слова на полуслове, и на моем лице появилось выражение ненависти.

"... он, и некомпетентные сотрудники штаба Ордена, потерпели неудачу. Будь он чуть более способным, тебя бы уже не было на свете. Я потерял свою базу в Аурелии из-за него..."

Дядя Бордерлайн потерял дар речи от гнева и послал сигнал глазами командующему рыцарями, барону Брейсфорду. Начальник рыцарей мелко кивнул: "Вопросов больше нет. Немедленно привести приговор в исполнение", - приказал марширующему рыцарю привести приговор в исполнение.

Рыцарь приказал своим людям быть наготове, отдав салют, который, казалось, издавал звук писсили.

Ганнелю привязали к дереву для удара. Его построили так, чтобы не было перекрестья дерева со столом, на котором разместили его ноги в колоннах длиной около четырех метров.

Затем около десяти воинов медленно пускают свои деревья на хрип.

Когда они полностью встали, пять солдат с копьями окружили их и прицелились в грудь Ганнела.

Ганнел не обращает внимания на копье, которое могло бы сохранить ему жизнь, и кричит в небо.

"Боже! Спасибо тебе за твое руководство!... Это величайшее чудо для меня, что я могу служить

тебе!... Я мог только мечтать о славе вместе с тобой!... что я не смог постичь славу, это все, что мне дорого!... за твое будущее!

Марширующий рыцарь проигнорировал крик и приказал казнить солдат.

Пять копий пронзили грудь Ганеля. В этот момент площадь окружила тишина.

Ганель был с торчащим копьём, но он совсем не кричал и не стонал. Это был просто звук выплевываемой крови, называемый гоббо.

Когда копьё вытаскивают, из зала поднимается буханье.

Я отошел от сцены.

(Думаю, последнее слово относится к гейтскеллингу. Даже если вы должны были остановиться, вам нужен был способ разоблачить такое количество мужчин.....).

В голову пришла мысль, что я не запятнала смерть человека по имени Ганнел, или что я заслужила это.

Я направилась к скамейке в саду замка, чтобы побыть в одиночестве.

Тем временем я продолжал сожалеть об этой казни.

(Конечно, он был врагом... одна ошибка, и я и мои люди погибли бы. Так что не стоит сочувствовать. Я знаю это... но был и другой путь. Разве ты не запятнал его смерть дешевым способом... это лицемерие. Я убиваю десятки рыцарей, которыми просто манипулировали и у которых нет никаких грехов...)

Я сидел на скамейке и даже думал об этом. Но сколько бы я не думал об этом, я повторял одно и то же, просто ходил по лабиринту мыслей, и никак не мог из него выбраться.

Не знаю, сколько прошло времени, но мне удалось сделать складку в себе.

Когда я заметил, сбоку стояла Лидди.

А позади стояли Беатрис, Мэл, Шэрон и Дэн.

"Ты жалеешь об этом? Но ведь другого выхода не было, правда? И он был убежден".

Лидди произнесла это бледным тоном.

"... Я, конечно, не мог придумать способ. Но я уже сломал его..."

Они обняли меня, когда я это сказал, и я не мог больше говорить.

"Ну, теперь все. Не думай больше об этом..."

Вот что я говорю. Я обнимаю тебя еще крепче.

Слышно только биение ее сердца и окружает приятный аромат.

"Спасибо. Теперь я в порядке".

Лидди смотрит мне в глаза и мелко кивает.

"Вроде бы все хорошо. Но зачем так беспокоиться? Он был врагом".

Я выплевываю свои мысли.

"Даже если они были врагами, Ганелл и Гейтскел тоже были использованы Светлым Божеством. Этот мастер-разумник, ты можешь вот так использовать свои руки, чтобы сказать, что это повредит настоящему врагу... конечно, я знаю, что это можно сказать, потому что нам не было причинено никакого вреда. Если кто-то здесь поцарапался... Я никогда не думал об этом... я знаю это..."

Когда я выдохнул свои мысли, получилось еще аккуратнее.

"

Ну, и что нам теперь делать? Уже половина пути..."

Тогда Беатрис говорит: "Тренировка вечером - это остановка", - и смеется.

"Выкатываемся в город. Там банкет!... Дэн! Иди в гильдию кузнецов и пригласи Дагенхарда. Скажи своим лордам, что Мэл и Шэрон выходят на улицу. А я пойду к маркизу Сивеллу и принесу вина".

И Лидди сказал: "А как же я?". Он воскликнул.

"Ты останешься с этой девушкой. Я еще подумаю об этом, когда останусь один".

Все, кроме меня, фыркнули от смеха.

(Привет. Похоже, я самый слабый парень в плане менталитета. Ну, я в курсе...)

Помня об этом, я тоже решил пойти у них на поводу.

"Не думаешь ли ты, что я должен позволить тебе пить, если у тебя депрессия? Я так не думаю."

возразил Лидди со смехом.

"Разве это действительно разные вещи? В твоем случае, я думала, что с тобой все будет в порядке, если ты просто выпьешь алкоголь?"

Я делаю редкое лицо и качаю головой: "Это недоразумение". И тут же смеюсь,

"Вы не можете просто пить. Без хорошего (...) спиртного и компаньонов".

Смех эхом отозвался на мои слова.

(Если вы можете услышать этот смех, вам больше ничего не нужно...)

<http://tl.rulate.ru/book/51275/2519657>